

К. В. Павлов,
*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

**СПЕЦИФИКА «ДИПЛОМАТИИ СОЮЗОВ» В ИТАЛЬЯНСКИХ
ВОЙНАХ: ОТ ОБЩНОСТИ ДЕКЛАРИРУЕМЫХ ЦЕЛЕЙ
К КОНФЛИКТУ РЕЗУЛЬТАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ
(НА ПРИМЕРЕ КАМБРЕЙСКОЙ ЛИГИ)**

В исследовании на примере истории формирования и развития Камбрейской лиги рассмотрены некоторые характерные особенности практики европейской «дипломатии союзов» в Итальянских войнах. Базовыми источниками исследования явились сочинения европейских дипломатов эпохи Итальянских войн: Франческо Гвиччардини, Франческо Веттори, Филиппа де Коммина. Отдельно проанализирован акт договора о создании Камбрейской лиги, отразивший изначальные противоречия европейско-итальянского военно-дипломатического союза. В результате исследования сделан вывод о влиянии Камбрейской лиги на дальнейшее развитие «дипломатии союзов» в Итальянских войнах.

Ключевые слова: Итальянские войны; Камбрейская лига; история международных отношений; «дипломатия союзов»; Империя Габсбургов; Франция; Венеция; папство; Раннее Новое время

Сведения об авторе: Павлов Кирилл Владимирович, аспирант кафедры истории средних веков Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; Kir2014Sch603@gmail.com

K. V. Pavlov,
*Saint Petersburg University,
Saint Petersburg, Russia*

**THE SPECIFICS OF THE “DIPLOMACY OF ALLIANCES”
IN THE ITALIAN WARS: FROM THE COMMONALITY
OF DECLARED GOALS TO THE CONFLICT
OF PRODUCTIVE INTERESTS (ON THE EXAMPLE
OF THE LEAGUE OF CAMBRAI)**

The study considers some characteristic features of the practice of European “diplomacy of alliances” in the Italian Wars on the example of the history of formation and development of the League of Cambrai. The basic sources of the study were the works of European diplomats of the Italian Wars’ era: Francesco Guicciardini, Francesco Vettori, Philippe de Commynes. The act of the Treaty of Cambrai, which reflected the initial contradictions of the European-Italian military-diplomatic alliance, was analyzed separately. As a result of the study, the conclusion is made about the

influence of the League of Cambrai on the further development of “diplomacy of alliances” in the Italian Wars.

Keywords: Italian wars; League of Cambrai; history of international relations; “diplomacy of alliances”; Habsburg Empire; France; Venice; papacy; Early Modern period

About the author: Pavlov Kirill Vladimirovich, Postgraduate Student of Department of History of the Middle Ages of Institute of History, Saint Petersburg University, Russia, Saint Petersburg

Актуальность исследования.

История международных отношений в Европе периода становления Раннего Нового времени активно изучается в современных исследованиях. Одними из наиболее ярко и целостно характеризующих этот период европейской международно-политической системы исторических процессов являются Итальянские войны 1494–1559 гг. – военно-дипломатический конфликт европейских и итальянских государств на территории Апеннин. Актуальность предметного обращения к истории формирования и трансформации в действии Камбрейской лиги как союза-«маркера» дипломатии войн на Апеннинах обуславливается показательно-стью перехода государств-участников лиги от объединения против общего оппонента (Венеции) к расхождению интересов по результатам устранения такового. В контексте задаваемой в исследовании проблемы «дипломатии союзов» актуализируется подход к специфике Камбрейской лиги как изначального союза европейских держав-гегемонов с участием ряда итальянских городов-государств против итальянской же политической силы в условиях внешней интервенции в Италию, априори представляющего весьма неустойчивой политической комбинацией.

Несколько слов об истории изучения Камбрейской лиги.

История европейской дипломатии эпохи Итальянских войн изучена достаточно подробно, в том числе и в отношении Камбрейской лиги, впервые освещенной еще итальянскими авторами XIX столетия. Это объясняется тем, что изучению Итальянских войн 1494–1559 гг. в XIX в. в целом были свойственны два ярко выраженных фактора: «национальный» и источниковедческий. Первый фактор связан с дискуссиями итальянских историков XIX столетия об объединении Италии (Рисорджименто) [24, р. 1139]. В научно-историческом анализе войн 1494–1559 гг. как крупнейшего в итальянской истории военно-политического кризиса в XIX в. пытались найти некий «урок» на тему: «Как не повторить ошибок прошлого, пытаясь объединить Италию сейчас». Так, анализируя нейтралитет Флорентийской республики по отношению к Камбрейской лиге, крупнейший тосканский историк XIX в. Дж. Каппони указывает, что Флоренция соблюдала «национальные» интересы

Апеннин вопреки вероломству присоединившихся к лиге папства, Феррары и Мантуи: «...E peggio era forse rimanere solo, quando i tre maggiori sovrani d' Europa tra loro partivano a brani l' Italia: così fu conclusa la Lega celebre di Cambray» / «...И пожалуй, хуже было остаться одному среди них в стороне, когда три главных правителя Европы отправились в Италию: таким образом, была заключена знаменитая Камбрейская лига» [5, p. 291]. Второй фактор связан с базовой методологией исторических исследований в XIX в.: издание источников по рассматриваемой проблеме чаще всего мыслилось авторами неотъемлемым элементом структуры своей работы [3, с. 49–50]. К примеру, итальянский автор Дж. Очиони-Бонафонс осуществил критическое издание «экстракта» текста основного дипломатического документа по истории лиги: манифеста германского императора Максимилиана I Габсбурга о договоре в Камбре [19, p. 110–113].

Рассуждая об изучении Камбрейской лиги в исторической науке XX в., следует отметить появление большого спектра англоязычных исследований по данной проблематике. Отметим среди них исследования американских ученых Р. Финлея и М. Шермана. Работы Финлея посвящены различному кругу вопросов, связанных с борьбой Венеции против Камбрейской лиги:

- Проблемы интерпретации венецианских источников данного периода [9].
- Социальная история Венеции эпохи Итальянских войн и выделение этнических «гетто» в республике [10].
- Вопросы восприятия венецианской знатью фигуры дожа [8] и республиканского авторитета [11].

В исследовании Шермана [21] изучена форма пропагандистской реакции французских интеллектуалов периода Камбрейской лиги на участие Франции в войне против Венеции как отклонение монархии Валуа от изначальных целей итальянских кампаний – возврата так называемых «исторических наследий» французской короны – Анжуйского (Неаполя) и Орлеанского (Милана).

В свою очередь, в англоязычной историографии XXI в. по проблемам изучения Камбрейской лиги преобладает анализ собственно военных обстоятельств ее возникновения и развития. Анализ военных кампаний в рамках союза в Камбре (на различных этапах его видоизменения) осуществлен в исследовании британских авторов М. Маллетта и К. Шоу [16], а также в работе американского ученого Дж. Ганье [12].

Из италоязычных исследований XXI в. по проблемам истории Камбрейской лиги следует выделить труды Л. Чиापини [6] и М. Пеллегрини [20] об аспектах итальянской дипломатии эпохи войн на Апенниннах.

«Дипломатия союзов» в Итальянских войнах: специфика зарождения.

Говоря о «дипломатии союзов» как значимом факторе хода Итальянских войн 1494–1559 гг., следует отметить, что эти войны в равной мере выявили как общеевропейские, так и внутриитальянские военно-дипломатические противоречия периода перехода от Позднего Средневековья к Раннему Новому времени. С одной стороны, актом непосредственного начала войн, как указывает французский дипломат и историк-писец эпохи рубежа XV–XVI вв. Филипп де Коммин, явилось намерение короля Франции Карла VIII Валуа занять территорию Неаполя, представлявшуюся ему, на основании родства с Анжуйской ветвью французского королевского дома, патримониальным «наследием» французской короны [1, с. 295–314]. Соответствующий акт Карла, осуществленный им при военном походе на Юг Италии в 1494 г., в понимании де Коммина, помимо практической цели французской короны, имел и долгосрочную цель, благородную для всей христианской Европы. С территории Неаполя, по упоминанию французского историка-писца, монарх дома Валуа должен был осуществить поход на Константинополь, пребывавший с 1453 г. под османской властью [1, с. 310]. Однако если крестовый мотив в долгосрочной перспективе и имелся в действительности в планах Карла, то он не был осуществлен. В рамках итальянской кампании 1494–1498 гг. французский монарх столкнулся с сопротивлением других европейских держав-гегемонов. Против экспансии Франции на Юг Италии выступила Испания (управлявшая Неаполем посредством побочной ветви Арагонского дома) [4, р. 23–25]. Вмешательство Валуа в итальянскую политическую систему также не устроило Империю Габсбургов [16, р. 39–40]. Империя имела свой дипломатический вес в Италии за счет титула «rex romanorum» – «римский король» (или «король римских народов»), с XI в. дававшегося каждому наследнику имперского престола [2, с. 47–48]. Кроме того, в итальянской практике международных отношений существовало устойчивое представление о верховенстве Империи над рядом территорий Северной Италии. Так, герцоги Милана не считались легитимными правителями без получения имперской инвеституры [15, р. 17].

Вместе с тем войны на Апеннинах не стали бы возможны без сочетания обстоятельств, дестабилизировавших внутриитальянскую политическую систему рубежа XV–XVI вв. Это последовавшие почти одновременно:

- Кризис престолонаследия в Неаполе (конец 1480-х – начало 1490-х гг.).
- Смерть Лоренцо Медичи Великолепного во Флоренции (1492 г.).

– Узурпация Лодовико Сфорца (по прозвищу Моро) герцогской власти в Милане и отказ рядом крупнейших государств Италии признания его легитимным герцогом (1490-е гг.).

– Изгнание наследника Лоренцо, Пьеро II Медичи, из Флоренции вместе со всей династией (1494 г.) [17, р. 115–118].

Обратим внимание, что структура итальянской дипломатии длительное время была завязана на идее о «балансе сил», который следовало совместно поддерживать пяти крупнейшим городам-государствам Италии: Флоренции и Венеции – как крупнейшим итальянским республикам; Неаполитанскому королевству и Миланскому герцогству – как крупнейшим единовластным режимам; наконец, папству – как некоему высшему арбитру «пятерки» [23, р. 9–11]. Наличие стольких одновременных отклонений от этого внутреннего баланса в 1490-е гг. вызвало у крупнейших государств Италии единственную реакцию: отказ от поддержания пятичастного баланса в отношениях друг с другом и устремление к военно-дипломатической ориентации на ту или иную внешнюю силу. При этом Флоренция ввиду своих торговых интересов устремилась занять рго-французскую ориентацию [17, р. 132–133]; Неаполь – рго-испанскую (ввиду полувекового нахождения у власти в королевстве монархии Арагонского дома) [17, р. 132]; Милан и Венеция – рго-имперскую (в связи с культурно-географической близостью Северной Италии к германскому миру) [17, р. 132]. Папство же, де-юре оставаясь едва ли не единственным «медиатором» в итальянской политической системе, де-факто устремилось к внутреннему «завоеванию Италии» на равных с внешними интервентами – Францией, Испанией и Империей Габсбургов [20, р. 96–101]. Устремления папства, основывавшиеся на представлениях об автократии божественного происхождения как источнике власти понтификов над всей Италией [20, р. 97–98], вызывали ответную реакцию у некоторых светских правителей Италии. Так, герцог Милана Лодовико Моро не благоприятствовал папству ввиду отказа признания Римом его герцогской власти [7, р. 392–393]. Кроме того, венецианцы, чьи владения прямо граничили с папскими, также восприняли намерения папства как угрозу [11, р. 937–940]. Соответственно, Милан и Венеция, с одной стороны, и папство – с другой, оказались сторонами конфликта во «внутренних Итальянских войнах». Тогда как южная экспансия Карла (с расчетом углубиться в центр Италии при продвижении на Юге) сформировала своего рода «внешние Итальянские войны». В результате подобной расстановки политических «весов» вокруг итальянского вопроса европейской политики на рубеже XV–XVI вв. Итальянские войны (в совокупности внешнего и внутреннего уровней

конфликта) неизбежно грозили превратиться в затяжное противостояние с интенсивной динамикой военно-дипломатических изменений. В этой связи и дипломатические союзы, заключавшиеся в ходе войн, действовали недолго и прерывисто. Так, в 1495 г. на фоне угрозы французского продвижения вглубь Италии с южных рубежей внутренние противоречия папства с Миланом и Венецией были временно «приглушены». В результате этого под эгидой папства в Венеции была сформирована так называемая «Святейшая лига» итальянских государств против Франции (с участием папства, Неаполя, Венеции, Милана и Савойи) [17, р. 118]. Лигу поддержал и германский император Максимилиан I Габсбург. Однако уже вскоре после приостановки экспансии Карла в первой Итальянской войне внутренние противоречия сторон-участниц Лиги вновь возобладали, и союз сменился внутренним противостоянием, поддерживаемым внешними силами, стремившимися сыграть на итальянском дипломатическом расколе по принципу «divide et impera» [17, р. 118–119]. Соответственно, и «дипломатия союзов» в войнах на Апеннинах как таковая оказалась невыдержанной в одной линии и трансформировалась в различных комбинациях сообразно динамике хода войн. Одним из этапов этой трансформации стало существование (и изменение по ходу существования) Камбрейской лиги – союза внешних и итальянских сил, направленного на устранение амбиций Венеции в Итальянских войнах.

Противоречие «дипломатии союзов» в Итальянских войнах: пример Камбрейской лиги.

Почему именно Венеция на определенном этапе Итальянских войн стала объектом союза общей враждебной направленности для крупнейших европейских государств и некоторых государств Италии (прежде всего папства)? Венецианцы в ходе войн оказались среди считанного меньшинства городов-государств Италии, не потерявших фактическую самостоятельность под гнетом внешних экспансивных намерений европейских держав-гегемонов [16, р. 85]. Ко всему прочему, Венеция (единственная из итальянских городов-государств) к тому моменту еще и расширила свои владения. В связи с падением герцога Валентинуа Чезаре Борджиа, владения которого де-юре были подконтрольны папе Александру VI, Венеция после 1503 г. сумела занять ряд оказавшихся во владении папства земель (в частности Романью, бывшую резиденцию Борджиа) [16, р. 85–86]. Ввиду несогласованности военных планов Максимилиана I в отношении исторически подчиненных имперскому верховенству территорий Северной Италии, не нашедших поддержки на нескольких имперских рейхстагах [18, s. 117, 128, 143, 180], Венеция смогла отобрать у Империи Кремону, город-«форпост» исторических

северо-итальянских владений Штауфенов и Габсбургов [16, р. 86]. Последнее начинание, как отмечает дипломат и историк эпохи Итальянских войн Франческо Гвиччардини в своей «Истории Италии» (*Storia d'Italia*), вызвало споры и волнения в самой Венеции [13, р. 424]. Так, Гвиччардини упоминает речь венецианского дипломата Маркьонне Тревизана перед сенатом республики Св. Марка, в которой Тревизан подчеркивает, что взятие Кремоны Венецией вызовет воинственную реакцию у Империи, так как Кремона «...включена в область имперской юрисдикции» [13, р. 424]. Однако в Венеции возобладала «партия веры» в военную стратегию проведителя Андреа Гритти, впоследствии ставшего дожем республики [8, р. 990–992]. Согласно концепции американского исследователя Р. Финлея, эта стратегия ассоциировалась у венецианской аристократии с примером знаменитого римского полководца Фабия Максима [8, р. 992]. Сам же Гритти, по аналогии с Фабием, выждавший момент для успешной атаки венецианцев на территории папства и Империи, получил прозвище «Медлитель», и сенат Венеции, по мнению Финлея, «...предался мечтаниям о построении республикой римского величия и реставрации римской мощи» [8, р. 992]. Однако венецианским планам не суждено было сбыться: против Венеции была сформирована мощнейшая коалиция.

В Камбрейскую лигу 1508 г. как военно-дипломатический союз анти-венецианского характера в рамках Итальянских войн изначально вошли:

- Максимилиан I Габсбург (император Священной Римской империи);
- Людовик XII Французский (король Франции, герцог Орлеанский);
- Фердинанд II Арагонский (король Неаполя и Сицилии);
- Папа Юлий II (правитель Папского государства);
- Альфонсо I д'Эсте (герцог Феррары);
- Карл II (герцог Савойский);
- Франческо II Гонзага (маркиз Мантуи);
- Ладислао (Владислав) II (король Венгрии) [19, р. 110].

Как указывает дипломат и историк эпохи Итальянских войн, посол Флоренции в Империи Габсбургов Франческо Веттори в своем сочинении «Путешествие в Германию» (*Viaggio in Alamagna*), договоренность о присоединении ряда итальянских городов-государств к союзу против Венеции под эгидой Империи была оформлена Максимилианом еще на рейхстаге 1507 г. в Констанце [25, р. 44, 56, 67]. На этом рейхстаге присутствовали легаты Неаполя [25, р. 44], папства [25, р. 56], Феррары [25, р. 56] и Мантуи [25, р. 67]: четырех итальянских госу-

дарств, включенных через год в Камбрейскую лигу. Веттори не упоминает лишь об одном из пяти итальянских городов-государств, в отношении которых принято считать об участии в Камбрейской лиге: Савойском герцогстве. Впрочем, как будет указано далее, в самом тексте договора в Камбре в отношении герцогства приводится оборот «если бы оно вошло в союз» [19, р. 112], предполагающий вопрос савойской принадлежности к договору как таковой, а также мер обязательств в его рамках в значительной степени открытым. Как бы то ни было, дальнейшее расширение союза, по мнению итальянского историка международных отношений Л. Чиапини, стало возможно при заключении Камбрейского договора [6, р. 356]. На основании этого акта регламентировался раздел венецианских владений в случае успеха его сторон в войне против республики Св. Марка. Договору предшествовала преамбула – так называемый манифест Максимилиана, в котором указывалось, что договор от 10 декабря 1508 г. в Камбре заключен

«...[С целью] положить конец потерям, оскорблениям, грабежам, ущербу, который венецианцы причинили не только Святому Апостольскому Престолу, но и Священной Римской империи, Австрийскому дому, миланским герцогам, королям Неаполя и многим другим правителям, захватив и тиранически узурпировав их собственность, их владения, их города и замки, как будто они сговорились на зло всем (...). Поэтому мы сочли не только полезным и почетным, но и необходимым призвать всех к справедливой мести, чтобы погасить, как общий огонь, ненасытную алчность венецианцев и их жажду господства» [19, р. 111–112].

В тексте манифеста Максимилиана обращает на себя внимание расстановка порядка выдвижения претензий от имени государств-участниц лиги договора в Камбре. Так, несмотря на то что манифест озаглавлен именем императора, первой упоминается претензия папства к Венеции. Явилась ли подобная расстановка порядка претензий простым дипломатическим тактом? Более вероятно стремление Максимилиана придать лиге статус «священного союза» (по аналогии с союзом 1495 г., заключенным Империей и папством против Франции при участии самой Венеции) [17, р. 118]. Подобное предположение можно обосновать и спецификой символического значения текста соглашений как элемента практики международных отношений Раннего Нового времени [22, р. 6, 10–11, 16]. В подобном случае Камбрейская лига наделялась своего рода «сакральным» символическим смыслом: ее негласной целью становилось наказание Венеции как нарушителя прежнего «священного союза».

В своей практической части договор о создании Камбрейской лиги предусматривал следующий раздел венецианских владений:

- Священной Римской империи: Тревизо, Падуа, Виченца, Верона, Фриули и Истрия.
- Французскому королевству: Брешия, Бергамо, Крема, Кремона и Гьяра-д'Адда.
- Арагонскому королевству Неаполь: Трани, Бриндизи, Отранто и Галлиполи.
- Святейшему Папству: Равенна, Червия, Римини, Фаэнца и их замки, а также владения на территориях Имола и Чезены.
- Феррарскому герцогству: области Ровиго (в границах 1481 г.) и Эсте и город-крепость Монтаньяна.
- Мантуанскому маркизату: Пескьера, Азола и Лонато.
- Венгерскому королевству, если бы оно вошло в союз: Далмация.
- Савойскому герцогству, если бы оно вошло в союз: Кипр [19, p. 112].

В тексте этого соглашения обращает на себя внимание отсутствие какого-либо упоминания фактических границ самой Венеции в случае победы над ней Камбрейской лиги. Как полагает британский историк Дж. Р. Хэйл, формально сторонами соглашения предполагалось оставить венецианцам «домениальные» владения – «*terra ferma*» [14, p. 221–222]. Однако в тексте соглашения упоминается отторжение некоторой части этих владений в пользу Империи [19, p. 112]. Кроме того, весьма спорным положением договора стало включение в предполагавшиеся к отторжению в пользу Франции венецианские земли исторически имперского города Кремона [19, p. 112]. Таким образом, уже в договоре 1508 г. в Камбре содержались по меньшей мере два противоречия, возможно выливавшихся в дальнейшем, после устранения Венеции, в новое противостояние уже между участниками самой Камбрейской лиги.

Это и произошло после 1509 г., когда Венеция была разгромлена войсками лиги: в 1510 г. Юлий II счел, что Франция представляет собой большую угрозу равновесию на полуострове, чем любая внутриапеллинская политическая сила [21, p. 111]. В связи с этим понтифик покинул Камбрейскую лигу и вступил в союз с республикой Св. Марка [20, p. 123]. В следующем году Испания и Империя также перешли на сторону противников Франции, что привело к созданию антифранцузской Священной лиги 1511 г., представлявшей собой фактический «дубль» первой дипломатической комбинации в ходе войн на Апеннинских – Святейшей лиги 1495 г. [16, p. 123].

Вывод.

В результате несоответствия результативных интересов декларировавшимся целям Камбрейская лига, таким образом, «развернулась»

обратно к изначальному раскладу сил в войнах на Апеннинах. Следующим «витком» раскручивания этой дипломатической спирали в попытке уйти от изначального набора противоречий между крупнейшими европейскими державами и городами-государствами Апеннин, лежавшего в основе Итальянских войн, станет Коньякская лига 1527 г.

Список литературы

1. де Коммин Ф. Мемуары : пер. с франц. Ю. П. Малинина. М., 1986.
2. Павлов К. В. Максимилиан I Габсбург во флорентийском историописании эпохи Итальянских войн: император или король? // Будущее нашего прошлого – 8: Империи в историческом дискурсе : материалы Всероссийской научной конференции / под ред. Е. В. Барышевой, С. С. Новосельского, К. А. Медведева. М., 2023. С. 45–56.
3. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997.
4. Abulafia D. From Ferrante I to Charles VIII // *French Descent into Renaissance Italy, 1494–95: Antecedents and Effects* / ed. by D. Abulafia. Aldershot, 1995. P. 1–25.
5. Capponi G. *Storia della Repubblica di Firenze*. Vol. 2. Firenze, 1875.
6. Chiappini L. *Gli Estensi. Mille anni di storia*. Ferrara, 2001.
7. Chittolini G. Milan in the face of the Italian wars (1494–1535): between the crisis of the state and the affirmation of urban autonomy // *French Descent into Renaissance Italy, 1494–95: Antecedents and Effects* / ed. by D. Abulafia. Aldershot, 1995. P. 391–404.
8. Finlay R. Fabius Maximus in Venice: Doge Andrea Gritti, the War of Cambrai, and the Rise of Habsburg Hegemony, 1509–1530 // *Renaissance Quarterly*. 2000. Vol. 53, no. 4. P. 988–1031.
9. Finlay R. Politics and History in the Diary of Marino Sanuto // *Renaissance Quarterly*. 1980. Vol. 33, no. 4. P. 585–598.
10. Finlay R. The Foundation of the Ghetto: Venice, the Jews, and the War of the League of Cambrai // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1982. Vol. 126, no. 2. P. 140–154.
11. Finlay R. The Immortal Republic: The Myth of Venice during the Italian Wars (1494–1530) // *The Sixteenth Century Journal*. 1999. Vol. 30, no. 4. P. 931–944.
12. Gagné J. Counting the Dead: Traditions of Enumeration and the Italian Wars // *Renaissance Quarterly*. 2014. Vol. 67, no. 3. P. 791–840.
13. Guicciardini F. *Storia d'Italia (libri I–X)* // *Opere di Francesco Guicciardini* / a cura di E. Scarano. Vol. 2. Torino, 1981.

14. Hale J. R. *Cambrai, reconquista and retention 1509–1529 // The Military Organization of a Renaissance State. Venice c. 1400 to 1617* / ed. by M. E. Mallett and J. R. Hale. Cambridge, 1984. P. 221–227.
15. Lazzarini I. *Records, Politics and Diplomacy: Secretaries and Chanceries in Renaissance Italy (1350 – c. 1520) // Secretaries and Statecraft in the Early Modern World* / ed. by P. M. Dover. Edinburgh, 2016. P. 16–36.
16. Mallett M., Shaw C. *The Italian Wars, 1494–1559: War, State and Society in Early Modern Europe*. Routledge, 2012.
17. Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. London, 1964.
18. Metz G. *Kommunikation und Konfrontation. Diplomatie und Gesandtschaftswesen Kaiser Maximilians I (1486–1519)*. Berlin ; Boston, 2016.
19. Occioni-Bonaffons G. *Intorno alle cagioni della Lega di Cambrai. Studio documentato // Archivio Storico Italiano. S. 3. T. IV. Firenze, 1866. – P. 93–131.*
20. Pellegrini M. *Le guerre d’Italia. 1494–1559*. Bologna, 2017.
21. Sherman M. *Political Propaganda and Renaissance Culture: French Reactions to the League of Cambrai, 1509–10 // The Sixteenth Century Journal. 1977. Vol. 8, no. 2. P. 96–128.*
22. Sowerby T., Craigwood J. *Literary and Diplomatic Cultures in the Early Modern World // Cultures of Diplomacy and Literary Writing in the Early Modern World* / ed. by T. Sowerby and J. Craigwood. Oxford, 2019. P. 1–21.
23. *Theory and Practice of the Balance of Power, 1486–1914. Selected European Writings* / ed. by M. Wright. London, 1975.
24. Van Hout M. *Italian History-writing // Encyclopedia of Romantic Nationalism in Europe. Vol. 2* / ed. by J. Leerssen. Amsterdam, 2018. P. 1139–1141.
25. Vettori F. *Viaggio in Alamagna // Francesco Vettori. Scritti storici e politici* / A cura di E. Niccolini. Bari, 1972. P. 13–132.